

Страницы из «Дневника»

Юрий НАГИБИН: ПРЕРЫВИСТЫЙ СЛЕД ОДНОЙ ЖИЗНИ

что дневник при жизни нужно хранить в столе. Перед нами своеобразная автобиография Юрия Марковича Нагибина (1920—1994), носящая глубоко исповедальный характер. Предлагаю читателям «Вечерней Москвы» фрагменты из новой книги. «Дневник» можно будет купить в оптово-розничном магазине «У Сытина» (Пятницкая, 73), тел. 230-89-00.

Юрий КУВАЛДИН, директор издательства «Книжный сад», писатель

Ю. Нагибин с женой Аллой Григорьевной

Зощенко отказались хоронить на «Литераторских мостках», по этому поводу вспомнили похороны Пушкина, также происходившие втайне. Зощенко повезли хоронить в Севастополь. Было много бес- тактности. У гроба Александр Прокофьев затеял дискуссию о том, был ли Зощенко предателем Роди- ны или нет.

Жалкая, худенькая жена; жалкий, очень похо- жий на него сын, глупо и растерянно улыбающий- ся; жена сына — типичная кондукторша. Когда усаживались в головной автобус, она кричала что- то, напоминающее: «Граждане, мест свободных нет!»

29 сентября 1964 года

Странно, что смерть этого лета я ощущаю не- сравнимо острее и печальнее, чем смерть Михаи- ла Светлова, приключившуюся вчера. А ведь я знал его, пил с ним, принимал у себя дома, лю-

Прячусь за сценарии и заявки на сценарии, за рецензирование рукописей и совещания от болезни Я. С. (Яков Семенович Рыкачев, отчим. — Ю. К.), от страха за маму, от страха смерти.

И вода, и эти мои нынешние дела — явления од- ного порядка: только бы спрятаться от действитель- ности, от себя. А писать даже мои жалкие рассказы — это иметь дело с жизнью, а значит, и смертью.

31 декабря 1965 года

Кончается странный 1965 год. Подведем корот- кие итоги в сузубо личном плане. Начался год похоро- ний истории с запрещением «Председателя», кончился — позорным изгнанием меня из списка представленных к Ленинской премии. В промежутке было много всякой дряни вокруг картины. Но одно все же состоялось: я связал свое имя с лучшей пос- ледвоенной картиной. Теперь история советского ки-

1961 г. На даче

но читается так: от «Броненосца «Потемкина» до «Председателя», это все-таки кое-что.

Болезнь Якова Семеновича, ужасная и бессмыс- ленная гибель Урбанского (Е. Я. Урбанский, снимав- шийся в главной роли в фильме «Директор», реж. А. А. Салтыков, автор сценария Ю. М. Нагибин, погиб на натурных съемках. — Ю. К.), разжалование Сал- тыкова в рядовые, сказочная поездка с Калатозовым по Норвегии, Швеции, Австрии, Италии, сказочная поездка Геллы во Францию, наша долгая ссора, с которой что-то кончилось в наших отношениях, Ле- нинград, Псков, Пушкинские горы, а до этого еще осенняя охота, Бельгия и Люксембург, выход новой и хорошей книги — нет, скучать не приходилось.

Этот год — переломный в моей жизни. Впервые я сам почувствовал, что мой характер изменился. Я стал куда злее, суше, тверже, мстительнее. Во мне убавилось доброты, щедрости, умения прощать. Уг- нещают злые, давящие злые мысли на прогулках, в постели перед сном. Меня уже ничто не может глупо растрогать, даже собаки. Наконец-то стали отгрызаться обиды, многолетняя затавленность, несправедливость всех видов. Я не рад этой пере- мене, хотя так легче будет встретить смерть близ- ких и свою собственную. Злоба плоха тем, что она обесценивает жизнь. Недаром же я утратил былую пристальность к природе. Весь во власти мелких, дрянных, злобных счетов, я не воспринимаю добро- ту деревьев и снега.

В определенном смысле я подвожу сейчас наи- более печальные итоги за все прожитые годы. Хотя внешне я никогда не был столь благополучен: от- строгил и обставил дачу, выпустил много книг и фильмов, при деньгах, все близкие живы. Но дьявол овладел моей душой. Я потерял в жизненной борь- бе доброту, мягкость души. Это самая грустная по- теря из всех потерь, и вот об этом я не мог не напи- сать, перед тем, как ехать на встречу Нового года...

1967 год

Корябание пером еще доставляет радость, но ес- ли и это уйдет, тогда конец. Надо держаться за сло- во, как за спасательный круг, иного ничего не оста- лось. Идеи, мысли — чепуха; реальны лишь слова, их порядок, рождающий жизнь. Недаром же из всей беллетристики я могу перечитывать лишь Бунина. В подавляющем большинстве своих вещей он меня ничему не учит, ни в чем не убеждает, не обращает в свою веру, — да у него и нет ее, — а просто дает дышать сном, травой, женщиной, видеть звезды, тучи, деревья, бедных одиноких людей. Это серьез- но, все остальное — поденки, лакейство перед вре- менем и его «проблемы», назавтра уже не стоя- щими и жюлейки. Так, из раздражения можно поиг- рать в идеи, но литература всерьез — это радост- ный плач о прекрасном и горестном мире, который так скоро приходится покинуть.

18 мая 1969 года

Третьего дня присутствовал на чите своей пьесы в театре «Ромэн». Мои бывшие дружки-заблудки оспенились. Чавалз — все члены партии: Сергея Золотарев — член партбюро, а Сличенко — так и во- все секретарь партийной организации. Среди этих солидных, прочно стоящих на земле людей я выгля- дел каким-то кочевником.

Сходное чувство я испытываю в Доме литерато- ров, Доме кино, Союзе писателей. Все в чинах, все при должностях, наградах и аксельбантах, у всех взрослые, уклончивые, хмурые и хитрые морды. На меня поглядывают сверху вниз, почти как на не- удачника. А как же иначе! Мне — пятьдесят, а ни- какой власти, и за плечами ни одного основатель- ного поступка в виде доноса, предательства, унич- тожения ближнего. Несolidно, Юрий Маркович, очень несolidно...

1975 год

Успех Михалкова, Симонова, даже такой мелочи, как Юлиан Семенов, понятен, закономерен и обод- ряющ для окружающих. Таланта почти не нужно, но нужна решимость на любую пакость, причастность «святому делу сыска», неоглядный подхалимаж и беспощадность в достижении поставленных целей. Этими качествами, включая, разумеется, скудность дарования, наделены почти все лица, желающие преуспеть на ниве искусств. В победах вышепоиме- нованных корифеев они видят залог собственного успеха. А мое поведение, моя жизненная линия им органически противоположны. Не хочется признать, что можно приобрести имя, деньги да к тому же мо- ральный комфорт, брезгливо избегая всяких бесов- ских игр, отвергая причастие дьявола. Это приводит к ярости, а ярость толкает к доносам. Да, друг мой, ты поставил себе непосильную цель: прожить жизнь, оставаясь порядочным человеком. Именно прожить, а не протлеть, последнее куда проще. По- рядочным человеком ты, Бог даст, останешься, а вот сможешь ли жить?..

1976 год

Подозрительность, доносы, шпиономания, страх перед иностранцами, насилия всех видов — для этого Сталин неизбежен. То истонные черты рус- ского народа, русской государственности, русской истории. Сталин с размахом крупной личности дал самое полное и завершенное выражение нацио- нальному гению.

1978 год

Из повести Л. Токарева: «Могила больших чело- веческих умов хранит моя родная земля». Что пра- да, то правда: земля наша — могила для челове- ческого ума.

1980 год

Прочел Лимонова. Рекорд похабины, но не ори- гинально. Тон и настрой Селина, приемы маркиза де Сада, лексика подворотни, общественной убор- ной. Как странно, что все уже было, даже такое. Как трудно создать что-то совсем новое. Сходным мето- дом написана книжка Гусарова, только куда бездар- ней. Странно, но этот метод я давно предугадал.

1982 год

К обычным страхам (Большой дом, цензура, Гос- комитет по печати, «Литгазета», гнусные критиче- ские бабы) прибавился еще один — пушкинсты. Только и слышу: пушкинсты с вас кожу сдерут!.. Пушкинсты вам покажут!.. Пушкинсты такой крик подымут!.. Хранителями пушкинской славы стали литературные дубельты и бенкендорфы. Это вполне по-русски: давить окружающих тем, что был символом свободы, независимости.

10 августа 1983 года

Почему я в таком ужасе от «ограждающей дейст- вительности»? Разве нынешняя Россия настолько

хуже той, какой она была во времена Гоголя, Гер- цена, Салтыкова-Щедрина? Хуже, конечно, куда хуже. Россия всегда была страшна. Но во мраке горели костры, те же Гоголь, Герцен, Салтыков- Щедрин. Сейчас костры потухли. Сплошной не- проглядный мрак.

1983 год

В «Известиях» вышло до стыда пресное интервью со мной, даже та крошечная, микроскопическая ост- ротца, что была в моем разговоре, вытравлена без остатка. Заодно я узнал, что начальство не решает- ся опубликовать мой рассказ «Дети лежат из снега», напечатанный в свое время в «Вечерке», в ряде мо- их книг, в переводах на иностранные языки и экра- низированный для телевидения. Причем совсем не- давно его опять показывали. Вот до чего дошло!

1985 год

Любопытно: в России тронуть пьянство, значит, убить литературу. Советскую — во всяком случае. Во всей необятной «Человеческой комедии» Баль- зака пьют меньше, чем в одном рассказе Е. Носова.

Из воспоминаний о Галиче

Как-то мы оказались в Ленинграде вместе: Саша, Булат и я, хотя каждый приехал по своему делу. У меня в номере началось нескончаемое застолье, что так любил Саша и не выносил Булат, но терпел, по- скольку собрались наши общие близкие друзья. Не- волю вспоминается строба Георгия Иванова о ми- лых приметах Царского Села: «То, что Анненский

Зимой...

Б. Ахмадулина, К. Кулиев, Ю. Нагибин, В. Катаев

нежно любил, то, чего не терпел Гумилев».

Среди присутствующих оказалась очередная Са- шина поклонница, женщина большой душевной энергии и, как выяснилось много позже, выдающе- гося литературного дара, которого никто не хотел за ней признать. Сейчас мне кажется, что этой женщи- не, с ее страстным, необузданным, склонным к кон- фликтам характером, очень хотелось столкнуться с наших бардов, в надежде, что верх окажется за нена- глядным ее Сашей. Она все время висела на теле- фоне, отыскивая ристалище для песенного поедин- ка, гостиничный номер для этого не годился. Словом, готовилось нечто вроде трагического состяза- ния знаменитых менестрелей Вольфрама фон Эшенбаха и Генриха фон Офтердингена в замке Вартбург. Там победивший должен был принять смерть. И лишь заступничество великого барда Вальтера фон Фогельвейде склонило владетельную княгиню помиловать победившего Офтердингена, заменив ему смертную казнь изгнанием. Не думаю, чтобы Сашина подруга оказалась столь же миро- сердной. Наконец, дом для песни был отыскан.

Окуджава — это было в его стиле — сказал, что петь не будет, но с удовольствием послушает Сашу. Гитару тем не менее он с собой прихватил.

Мы приехали в типично петербургскую старую квартиру с высоченными темными от копоти потол- ками, кафельными печами и останками гарнитура красного дерева. Старинные гравюры с мачтами и парусами угрюмились на стенах. Но тридцатилет- ная хозяйка была вполне из нашего времени, даже несколько впереди, она исходила агрессивным за- дором, сленгом и никотином. И все время что-то потягивала из стакана. Нам всем поднесли выпить и сразу расчехлили Сашину гитару с загнутым гри- фом.

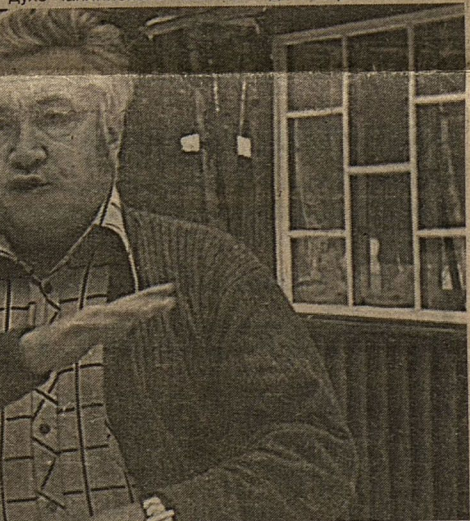
Саша пел очень много, как всегда не ломаясь, на всю железку. Тут были песни из «золотого фон- да»; о том, как «молчаливники» выходят в начальники, потому что молчанье золото»; о суперномеклатур- ном зятее, растоптавшем чужую жизнь; о том, что «любое движение вправо начинается с левой но- ги»; о могилах сталинских лагерей, перед которы- ми «премьеры» не преклоняют колен, о Егоре Пет- ровиче, которого руководящие указания поднимают со смертного ложа, о народном Демосфене Климе Петровиче, выступавшем на митинге от лица со- ветской матери. После каждой песни Са- шина поклонница и хозяйка дома обводила слушающих восторженно- свире-

я могу объяснить, в чем тут дело.

Недавно мне дали прочесть рукопись мемуарной книги одного умного и одаренного журналиста-уче- ного (надеюсь, рукопись эта станет книгой), где он пишет о своей потрясенности Галичем в те самые годы, о которых речь идет у меня. Человек шестиде- сятых годов, он говорит, что любил Окуджаву, но явился Галич и отнял эту любовь. Ибо Булат Окуд- жава, при всем его таланте и обаянии, выражается символами, порой не до конца ясными (черный кот, который в усы ушмешку прячет), а Галич все называ- ет впрямую, своими именами. Его гражданское чув- ство, мол, куда сильнее и действеннее.

Это не локальная проблема: Окуджава — Галич. Когда вышел фильм «Покаяние», его многие не при- няли за инокаственность, «замаскированность» героя. Надо было делать фильм впрямую о Сталине, а не размыывать образ: то ли Сталин, то ли Берия, то ли какой-то диктатор местного масштаба. Но гро- мадность этого фильма как раз в том, что он дает вселенски, на все времена образ деспотизма: от древних царств и Рима до наших дней, а не разме- нивается на конкретику частных судеб и характеров.

Первый фильм о пережитом апокалипсисе мог быть только таким. Трагический фильм впрямую о Сталине вообще невозможен, потому что, превра- щая жизнь в трагедию, сам Сталин не был фигурой трагической. Низкорослый, рябой, сухорукый, космо- язычный дворцовый интриган с примитивным мыш- лением и отсутствием душевной жизни — отсюда его ошеломляющее и часто необъяснимое кровояд- ство — не Макбет и даже не Ричард III — у него не могло быть такого взлета, как у горбатого хромца, обольстившего венценосную вдову над могилой уби- того ими мужа. И о Гитлере не может быть трагиче- ского произведения, он тянет разве что на сатиру в духе чаплинского «Великого диктатора». Сталин —

Б. Ахмадулина, К. Кулиев, Ю. Нагибин, В. Катаев

страшная, но пошлая фигура. Художественное чутье Абуладзе подсказало ему единственно верное реше- ние. Он создал могучий символ, а не бытовую, пусть и «украшенную» всеми пороками фигуру. Для меня — и не только для меня — песни Окуд- жава больше сказали о проклятом времени загадоч- ной песней про черного кота, чем предметные и прямолинейные разоблачения Галича. Но дело не только в этом, и даже вовсе не в этом. Окуджава разорвал великое безмолвие, в котором маялись наши души при всей щедрой радиоозвученности тусклых дней; нам открылось, что в глухом, дрожа- щем существовании выжили и нежность, и волнение встреч, что не оставили нас три сестры милосердия — молчаливые Вера, Надежда, Любовь, что уличная жизнь исполнена поэзии, не исчезло чудо, что мы остались людьми. Окуджава открывал нам нас са- мых, возвращал полное чувство жизни, помогал пре- одолению прошлого всего, целиком, а не в омери- тельных частностях. И для людей, несших на себе клеймо этого прошлого, его часто печальные, но не злые песни были значительной разоблачений и сар- казмов Галича. А вот уже другому поколению, не знавшему наших мук и душ пролажу, конкретика пе- сен Галича была привлекательней.

Для меня песни Галича зазвучали по-настояще- му года три-четыре назад. Казалось бы, то, о чем он поет, отодвинулось, утратило остроту, — ничуть не бывало. За минувшие годы мы не только не за- лечили ни одной болячки, но разрешили ни одного мучительного вопроса, не приблизились к чему-то лучшему, если исключить право (весьма лимитиро- ванное) кричать о наших муках, физической и мо- ральной нищете и униженности, но довели все до последнего предела. И Сашины сарказмы ничуть не пожули, напротив, выстроились. Теперь при- шло время называть все своими словами, прямо в лоб. Покров тайны сорван с действительности, не надо играть ни в какие символические игры, нужны конкретные имена, точные обстоятельства преступ- лений. Сашины песни переживают второе рожде- ние, став, как никогда, нужными расхотев- шему терпеть народу.